

На сон грядущий. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

На сон грядущий. В. Г. Белинский

Отрывки из вседневной жизни. Сочинение графа В. А. Соллогуба. Санкт-Петербург. 1841. В Гутенберговой типографии. В 8-ю д. л. 428 стр.

Как отрадно посреди различного хлама, описанием и взвешиванием которого поневоле должна заниматься наша «Библиографическая хроника», встретить книгу, не принадлежащую ни к журнальным, ни к книгопродавческим спекуляциям, – книгу, которой автор не собирал денег на подписку за 18 неизданных томов, не объявлял своих претензий на звание дворецкого в русской литературе, не писал похвал самому себе на татарско-белорусском наречии, – но в которой находите просто ум, талант и изящество! [1]

Душа отдыхает при взгляде на одну наружную форму этой книги: здесь вы встретите имена людей, всеми уважаемых; вы видите себя в кругу хорошего общества; вы уверены, что ничто не оскорбит чувства приличия, что не встретите дальновидных расчетов на легкое верие публики, ни горячего заступничества за товарищей; вы спокойны, – эту книгу можно читать без перчаток.

Начав читать ее, вы увлекаетесь занимательностью содержания, живостью красок, изяществом рассказа. Вы замечаете в этом ряду повестей не вялое, безжизненное повторение одного и того же, которым промышляют писаки, по обстоятельствам сделавшиеся сочинителями романов, трагедий, историй, чего угодно, только было бы не в убыток [2], – нет, вы видите в этой книге то, что всегда почитается признаком истинного дарования, – видите, что каждая повесть молодого писателя – новый шаг вперед и что с каждым шагом его дарование мужает и укрепляется.

Первая повесть «Три жениха» отличается в особенности живым изображением провинциального быта. Содержание ее не запутано; несколько смешных портретов счастливо очерчено; вы дочитываете до конца и жалеете, зачем в такой тесной раме сжата эта картина. – Вторая повесть представляет картину немецкого городка и разгульный студенческий быт. Та же наблюдательность, те же небрежные, но счастливые очерки; однако здесь уже не одна смешная сторона жизни, здесь мимоходом прорывается и глубокое чувство [3] – «Сережа» переносит вас в круг светского общества. Здесь почти одно действующее лицо, петербургский молодой человек, который не знает, куда девать свое время и сердце; но в изобретении этого характера более глубины, нежели с первого взгляда кажется по шутливому, небрежному тону, которым написана повесть; характер этот был бы достоин более подробного развития; в нем схвачены на лету основные черты физиономии молодых людей нового поколения, которые – уже ни Онегин, ни граф Нулин... Граф Соллогуб первый перенес в литературный мир эту новую породу романтических характеров и, как ботаник, открывший новое растение, может смело поставить при имени «Сережи»: *mihi* [4]. Неожиданность развязки этой повести показывает в авторе уже большую опытность в расположении частей рассказа.

Приступаем к другим повестям, которые относятся, как кажется, ко второму периоду литературной жизни автора. Всем памятно впечатление, произведенное на читателей «Историей двух калаш», когда эта повесть в первый раз была напечатана в 1-й книжке «Отечественных записок» 1839 года. По нашему мнению, она принадлежит к лучшим повестям, когда-либо написанным на русском языке. Естественность и вместе оригинальность завязки, искусство протянутая нить рассказа, все более и более раздражающая любопытство читателя, верность в изобретении и изображении характеров, наконец, изящество слога, все это вместе оправдывает наше мнение. В «Истории двух калаш» уж не заметно прежней небрежности; но более тщательная обработка подробностей несколько не повредила живости и естественности слога. Здесь нет ни одного лишнего характера, ни одного ненужного для повести описания. Сапожных дел мастер Иоганн-Петер-Аугуст-Мария Мюллер, надворный советник Федоренко, органист Шульц, княгиня, покровительница музыканта, даже настройщик, – все эти лица изображены мастерски, каждое имеет только те чувства, только те мысли, которые оно может иметь, каждое говорит тем языком, которым должно говорить. Эта тайна известна немногим из наших романистов и драматистов. В большей части произведений сих господ, которые вытягиваются нелитературными журналами [5] в длину и ширину, можно перемешать речи всех действующих лиц, вынимать любую наугад – и выйдет одно и то же.

В «Истории двух калаш» замечательно искусство, с которым автор умел говорить о предмете не совсем, так сказать, литературном, какова калаша, – говорить с непринужденностью, с приличной шуткой. Можно поручиться, что такой предмет был бы камнем преткновения для «калоши», как говорит граф Соллогубу «сардонической,

На сон грядущий. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
наблюдающей все нравы без исключения, даже нравы тех гостиных, куда ее не пускают». Кстате заметим, что критик «Северной пчелы» очень серьезно доказывал, что непременно надобно писать галоши, а не калоши[6]. Поздравляем с находкою? Если б эти господа ограничивались только такого рода замечаниями и наблюдениями, мы не так горевали бы об участи нашей журналистики; но не будем мешать похождениям этих господ по русской азбуке: может быть, они когда-нибудь в ней чему и научатся; подождем, потерпим...
«Большой свет, повесть в двух танцах», хотя менее предыдущей оригинальна по своей завязке, но весьма занимательна по тщательной, окончательной обделке характера. Впрочем, характер Сафьева, весьма замечательный и новый по изобретению, нам кажется, слишком преувеличен. Его постоянное мщение графине, мы думаем, продолжается слишком долго. Сверх того, напрасно скрыта от читателя другая половина этого характера: любопытно было бы изобразить, что мыслит и чувствует этот загадочный человек, когда он не играет комедии. Его поступки изменяют той промышленной и эгоистической маске, которую он на себя надевает: любопытно было бы знать, каким образом эта маска, носимая с таким постоянством, действует на внутреннее состояние его души; любопытно было бы знать печали и страдания, которые испытывает человек, обрешив себя на такое душевное одиночество, который старается себя убедить, что он не верит сочувствию с другими людьми, не верит собственной возвышенности духа. Характеру Сафьева тесно в повести: он может быть предметом весьма занимательного и большого романа. Мы весьма желали бы, чтоб автор «Большого света» подарил нас таким произведением: в нем удобно и кстате могут быть исследованы все стихии нашего века, этого чудного борения вольтеровской насмешки и английского материализма с идеальными, возвышенными порывами поэтов и мыслителей.

Но да не примут читатели нашей искренней похвалы за пристрастие к сотруднику; напротив, мы будем строги к молодому автору... Оставляем в стороне опечатки на поживу людей, которые без того не имели бы насущного хлеба (им будет чем поживиться, ибо на эти опечатки не поскупился корректор до такой степени, что на 408 странице, вместо слова, которое, вероятно, должно быть: два противника, напечатано: два избранные, отчего фраза потеряла смысл); но заметим опечатки другого рода, в которых виноват уже не корректор. Например, стр. 64: «часто сходил я с людьми с душой благородной, с светлым умом»; в этой фразе, странная двусмысленность, которой можно было избежать, употребив прекрасный, лишь русскому языку свойственный оборот: «души благородной, ума светлого», как, например, муж совета у Пушкина[7].

На стр. 89 слово «поминала» употреблено вместо «помнила» или «вспомнила». На стр. 103 употреблены два глагола в разных временах: «подпирала – устремились». На стр. 354 вместо «по мнению света» точнее, по смыслу фразы, было бы сказать: «в мнении света». На стр. 368: «так, как говорил я, прошло два года», не хорошо! На стр. 375: «опять заблуждение одно от него отлетело», неправильная расстановка слов; впрочем, может быть, здесь и опечатка...

Мы могли бы набрать с десятков таких обмолвок; правда, они безделица, но зачем при таком умении владеть языком, при такой естественной гибкости слога, зачем, повторяем, даря публику прекрасным подарком, не уничтожить этих небрежностей и давать повод незванным гостям в нашей литературе цепляться за эти небрежности и питать ими свое корректурное тщеславие, которое сим господам заменяет все возможные таланты и сведения?.. [8] Мы уверены, что автор отделается от этих небрежностей при втором издании своей книги, в необходимости которого невозможно сомневаться.

Объем библиографической статьи не позволяет нам ни рассказать содержания повестей, ни обратить внимание на многие и многие страницы, блестящие неподдельным, непринужденным остроумием, к которому не приучили нас наши романисты, – на другие страницы, отличающиеся истинным, высоким красноречием, – на целые сцены, одушевленные глубоким чувством и верною наблюдательностью. Прочтите, например, сцену бала (193 по 200 стр.); сцену концерта (213 по 217); сцену похорон княгини (242 по 248); сцену в церкви (157 по 161) или последние главы «Большого света» (стр. 410 по 428). Прочтите небольшое письмо любовника, этот камень преткновения для обыкновенных романистов (стр. 224):

Генриетта! Я был на краю гроба: зачел! удержали вы меня! К чему воспоминанья? Они – насмешка над настоящим. Забудьте меня! Я не тот, что был, вы не узнаете меня. Теперь я нищий, совершенно нищий, – нищий достоянием, нищий твердостью, нищий мыслию и чувством. Одно сокровище храню я еще в душе моей: это любовь к

На сон грядущий. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
вам, моя Генриетта, – это любовь к тебе, моя невеста. Я унесу ее с собой...
Настанет жизнь, где наши жизни сольются в одном солнечном луче. Тогда мы будем
счастливы... Прощайте! [9]

Это письмо в несколько строк, но оно требовало больше таланта и знания
человеческого сердца, нежели составление целой повести. Хотите ли сцену в другом
роде (стр. 372 и 373):

Всех более надоел ему маленькой франтик с мужицкой прической, с цепочкой, с
лорнетом, который не давал ему покоя.

– А! bonjour [10], очень рад вас здесь встретить. Мы в театре очень часто
видимся. Кто вам больше нравится: Allan [11] или Taglioni? [12] Вообразите, я;
видел пятнадцать раз сряду «Гитану». Я всегда во французском театре. Что
делать?... Люблю Allan; нас в театре несколько человек всегда вместе – Петруша,
Ваня... Вы знаете Петрушу, графа Петра В., и Ваню, князя Ивана? Славные ребята! Я
с ними неразлучен. Обедаем каждый день почти вместе у Кулона или у Legrand [13].
Как по-вашему, кто лучше, Legrand или Coulon? [14] Хорош Legrand! Дорог, нечего
сказать, а мастер своего дела! – Вы много ездите в свет, слышал я. – Скажите,
пожалуйста, ет ву каню авек ле Чуфырин э ле Курмицын? [15] – Нет. – Жалко! Очень
у них весело! Уж не такие вечера, – продолжал он, наклонясь на ухо Леонины и
улыбаясь лукаво, – уж не такие вечера, как здесь; почище, гораздо почище. В
комнатах освещено прекрасно, а за ужином не подадут черт знает что. Курмицыны
долго были за границей и живут совершенно на иностранный genre [16]. Славные
вечера! Я очень хорош в доме. Хотите, я вас представлю? Я с ними очень
дружен... [17]

Не правда ли, что вы встречали этого франтика? Непременно встречали! Он живой
перед вами. Уверяем автора, что его господин йет ву каню войдет в поговорку и
останется вечным... как бишь это называется, типом, что ли? – в истории наших
нравов.

Не желая предупреждать любопытства читателей, мы выписали здесь небольшие
отдельные строки; но повести графа Соллогуба производят наибольшее впечатление в
своей целостности, а остроумная его наблюдательность усыпала их такими неожиданными
и тонкими подробностями, которые не переносятся в критику. Нельзя не подивиться,
как хорошо известны молодому писателю все классы нашего общества: и большой
свет, и быт помещиков, и средний класс, и жизнь немцев, и студенческий быт, и
провинциальные обычаи, – и, что всего важнее, все рассказы его согреты теплым
чувством любви и проникнуты благородством мыслей; здесь тайна того сочувствия с
читателями, которого ни- когда не постигнут люди, думающие, что можно писать без
вдохновения, даже без убеждения, и что в искусстве, как в ремесле: стоит только
набить руку, чтоб попасть в литераторы.

Оканчивая статью, мы не можем не принести жертвы промышленному духу нашего
времени. Вспоминая хорошие повести, у нас существующие, мы нашли, что русская
литература нашего времени не совсем бедна ими, – и потому думаем, что тот затеял
бы хорошее дело, кто собрал бы в одну книгу все повести, донныне изданные особо
или рассеянные по журналам: Пушкина, Гоголя, Лермонтова, князя Одоевского, графа
Соллогуба, Даля, Павлова, псевдонима А. Н. [18], Панаева, Гребенки и других.
Такое собрание необходимо имело бы успех в России и послужило бы пособием для
иностранцев, которые с недавнего времени так прилежно занимаются русскою
литературою и которые, будучи обмануты пышными объявлениями литературных
спекулянтов, принимают за переводы изделий, несколько не достойных этой чести
и только поселяющих весьма странное мнение о нашей литературе на чужой стороне,
где не могут быть известны все домашние сделки наших чернильных витязей [19].

Примечания

Рецензия Белинского на первый сборник повестей и рассказов В. А. Соллогуба «На
сон грядущий» – один из многочисленных отзывов критика о его творчестве в эти
годы (см. письма Белинского И. И. Панаеву от 25 февраля 1839 г., от 15 марта, 25
и 31 октября 1840 г., 20 апреля 1842 г.). В обзоре «Русская литература за 1841
год» Белинский отметил «три прекрасных произведения» – «Историю двух калаш»,
отрывок из «Тарантаса» и «Аптекарьшу», о последнем он сказал, что оно явилось
«особенным доказательством таланта автора», ибо это «само мастерство, характеры
все до одного прекрасно очерчены, верно выдержаны» (наст. т., с. 332). В статье
«Русская литература в 1842 году» Соллогуб назван «первым писателем в современной

На сон грядущий. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
русской литературе» (наст. изд., т. 5).

Сноски

1

Белинский подразумевает Полевого, выпустившего вместо 18 томов «Истории русской литературы» всего 6, Греча, претендовавшего на звание «дворецкого» в русской литературе, и Булгарина, «певшего» себе дифирамбы.

2

Имеется в виду Полевой, который после закрытия «Московского телеграфа» сделался романистом и драматургом.

3

Имеется в виду повесть В. Соллогуба «два студента» (1837).

4

мое (лат.). – Ред.

5

Выделяя курсивом «нелитературные журналы», Белинский, по-видимому, имеет в виду издание Н. И. Гречем «Журнала министерства внутренних дел» (1829–1831) и, особенно, журнал «Эконом», издававшийся Ф. В. Булгариным с 1841 года, в ту пору, когда тот был членом-корреспондентом специальной комиссии по коннозаводству.

6

Речь идет о примечаниях Н. И. Греча к статье «Справедливое суждение «Сына отечества» об «Отечественных записках», напечатанной в «Северной пчеле», 1839, № 29, с. 114. Статья содержала критику «Отечественных записок».

7

Белинский использует выражение Пушкина из «Бориса Годунова»: «Великий ум! муж битвы и совета!»

8

Подразумевается нормативный характер критических статей Булгарина и Греча.

9

Белинский цитирует повесть «История двух калаш» (1839). Еще в 1839 г. Белинский назвал ее «лучшей» в «Отечественных записках» и «редким явлением в современной русской литературе» (наст. изд., т. 2, с. 443).

10

здравствуйте (франц.). – Ред.

11

Аллан (франц.). – Ред.

12

Тальони (итал.). – Ред.

13

Леграна (франц.). – Ред.

14

Кулон (франц.). – Ред.

15

Русская транскрипция французской фразы: «Знакомы ли вы с Чуфыриным и Курмицыным».

16

лад (франц.). – Ред.

17

Цитируется повесть «Большой свет» (1840). По словам самого автора, в этой повести изображено «светское значение» Лермонтова (В. А. Соллогуб. Воспоминания. М. – Л., «Academia», 1931, с. 376). Однако в целом «Большой свет» не преследовал цель дискредитировать Лермонтова, который, как и Белинский, отнесся к повести вполне положительно (см. письмо Белинского Боткину от 16–21 апреля 1840 г., см. также: Р. Б. Заборова. Материалы о М. Ю. Лермонтове в фонде В. Ф. Одоевского. – Труды ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. V (8). Л., 1958, с. 185–199).

18

А. Н. или А. Нестроев – псевдоним П. П. Кудрявцева (1816–1858), беллетриста и историка, литературного сотрудника «Телескопа», «Молвы», «Московского наблюдателя», а затем «Отечественных записок», «Современника», профессора всеобщей истории Московского университета.

19 Речь идет о переводах книг Булгарина и Греча на ряд европейских языков в 1830 – начале 1840-х гг.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!